

нимам посвящено всего семь строк. В этом разделе ничего не говорится о паронимах, паронимах, эвфемизмах и вулгаризмах.

На с. 5 автор пишет, что удмуртский язык типологически является агглютинативным, каждая грамматическая форма его имеет только одно грамматическое значение. Следовало бы отметить, что данная черта присуща всем финно-угорским языкам, она восходит к периоду финно-угорского языка-основы.

На с. 10 к числу заимствований из удмуртского языка в русском отнесены *pelmeni, pester, tujes*. Правильнее было бы их назвать пермскими заимствованиями в русском языке, поскольку все они одинаково звучат во всех пермских языках (см. В. И. Лыткин, Развитие коми литературного языка. — Закономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху, Москва 1965).

На с. 11 пишется, что русские заимствования, согласно законам удмуртской фонетики, подвергаются изменениям (*čerk* < рус. *церковь*, *kubista* < рус. *канюста*, *obros* < рус. *образ*, *obiñ* < рус. *овин*, *kiros* < рус. *крест*). Здесь следовало бы дать небольшие разъяснения. Вместо *krest* говорят *kiros*, поскольку в аудите исконных финно-угорских слов не могут стоять рядом два согласных, из которых один мгновенный; происходит выпадение конечного взрывного, алаут слова не терпит стечения согласных, по-

этому в старых заимствованиях один из согласных звуков выпадал (ср. эст. *leib* < гот. *hlaij*), либо допускались протеза гласного перед стечением согласных (ср. венг. *iskola* < латин. *schola*, коми *ište* < рус. *что*) или вставка гласного между двумя согласными, как в случае с удм. *kiros* < рус. *крест*. Звук *s*, отсутствовавший в фонетической системе удмуртского языка, субституировался сходным по артикуляции палатальным *č: čerk* < *церковь*, выпадение последнего слога в данном слове произошло под воздействием исконных удмуртских односложных слов с основой на *-rk*: *girk* 'дупло', *mirk* 'пень', *čork* 'совсем один' и т. д.

В конце книги Г. Ушаков пишет, что его работа не ставит перед собой цели научить удмуртскому языку не владеющих им. Главная ее задача — раскрыть особенности грамматического строя удмуртского языка в сопоставлении с русским.

Автор может быть уверен, что его работа дает убедительное представление о фонетической и морфологической системе удмуртского языка в сопоставлении с русским. Следует пожелать автору, чтобы в ближайшем будущем он так же удачно представил в виде книги сопоставительный синтаксис удмуртского и русского языков.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.3.15>

E. Helmski, *The Language of the First Selkup Books*, Szeged 1983 (*Studia Uralo-Altaica* 22). 268 S.

Die ersten in der Sprache der Selkopen verfaßten Bücher stammen von N. Grigorovskij. (Diese Ausgaben sind zugleich die ersten samojedischsprachigen Bücher.) Hierbei handelt es sich um die folgenden 1879 in Kasan erschienenen Werke: «Азбука сѣссогой гѹлани» (Die Fibel für das selkupische Volk), «Молитвы и о сердечной молитве к Богу. На остяцко-самоедском языке» (Gebete und über Herzensgebete an Gott. In der ostjak-samojedischen Sprache), «Объяснения праздников Св. Церкви на остяцко-самоедском языке» (Erläuterungen zu den Feiertagen der Heiligen Kirche in der ostjak-samoje-

dischen Sprache) und «Священная история. На остяцко-самоедском языке» (Die Heilige Schrift. In der ostjak-samojedischen Sprache). E. Helmski hat das von N. Grigorovskij aufgezeichnete selkupische Sprachmaterial zusammengefaßt und veröffentlicht. In dieses Buch sind zusätzlich auch Angaben aus einigen Artikeln und Handschriften von N. Grigorovskij aufgenommen worden. Eine der Handschriften — «Остяцко-самоедский словарь» (Das ostjak-samojedische Wörterbuch) — hat man bis heute noch nicht aufgefunden.

N. Grigorovskij hat in seiner selkupischen Fibel nur ein paar Aufzeichnungen

von selkupischen Originaltexten vorgestellt, alle anderen sind im Prinzip Übersetzungen aus dem Russischen, die vom Autor selbst, der die selkupische Sprache nicht vollkommen beherrschte, ausgeführt worden sind. E. Helinski zeigt, daß aufgrund des zuletzt genannten Tatbestandes die Syntax ganz und gar dem Russischen entspricht und auch andere grammatische Fehler vorkommen. Die selkupische Sprache ist mit Hilfe des damaligen russischen Alphabets niedergeschrieben und mit dem Zeichen des Haupttones des Wortes versehen worden. Dialektologisch bestimmt E. Helinski die von N. Grigorovskij benutzte selkupische Sprachform als Mundart der unteren Čaja, wobei ein geringes Auftreten von Elementen aus anderen Dialektgebieten nicht ausgeschlossen wurde.

Der Einleitung (S. 5—17) folgt ein grammatischer Überblick zur postulierten Mundart der unteren Čaja (S. 18—52) und diesem schließt sich der Hauptteil — das Wörterverzeichnis (S. 53—251) an. Das Wörterverzeichnis umfaßt 1727 Wortartikel,

die so aufgebaut sind, daß zuerst die Wortform von N. Grigorovskij in Originaltranskription gegeben ist. Dieser sind nötigenfalls Hinweise auf grammatische Formen, Quellen und eventuell die Phonologisation, eine Übersetzung ins Russische oder Englische, notwendige Kommentare und schließlich eine Entsprechung im Taz-Dialekt (vereinzelt in anderen Dialekten) hinzugefügt worden. Das Wörterverzeichnis wurde auch mit einem Index der englischsprachigen Bedeutungen versehen.

Im aus drei Teilen bestehenden Anhang kann sich der Leser mit den Lebensdaten von N. Grigorovskij, mit Auszügen aus seinen Handschriften sowie mit einer genauen und umfassenden Bibliographie (S. 252—268) bekannt machen.

Die Samojedologen sind dankbar für die Publizierung dieser systematisierten und kommentierten Quelle seltenen Sprachmaterials, bei deren Zusammenstellung der Autor wiederum die ihm eigene Exaktheit und Vielseitigkeit gezeigt hat.

AGO KÜNNAP (Tartu)

К. Я. Кросс, Инструктив в прибалтийско-финских языках.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1983.

20 февраля 1984 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации К. Кросс по теме «Инструктив в прибалтийско-финских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук И. Санг (Таллин).

Развитие и функции отдельных падежей прибалтийско-финских языков на уровне монографии до сих пор исследованы сравнительно мало. Наибольшее внимание уделялось падежам объекта (номинатив, генитив, партитив), которые с точки зрения синтаксиса рассмотрены В. Грюнталем (W. G r ü n t h a l, Hämerensuomalaisen kielten yksikön nominatiivi objektin edustajana aktiivin yhteydessä, Helsinki 1941) и К. Контем (K. K o n t, Käändsõnaline objekt läänemereseoome keeltes, Tallinn 1963). Из других падежей

больше внимания обращалось только на экспессив — ему посвящено исследование Т. Сярккя (T. S ä r k k ä, Itämerensuomalaisen kielten eksessiivi, Helsinki 1969). Теперь список этих работ пополнился исследованием К. Кросс «Инструктив в прибалтийско-финских языках». (207 машинописных страниц).

Если экспессив вместе с лативом и пролативом можно считать непродуктивными падежами (сфера их употребления ограничивается частицами), то амбивалентно употребляемый инструктив относится к пограничной области падежа и наречия. Это обстоятельство вынудило автора во введении остановиться на категориальной сущности инструктива, чтобы показать отличие его по статусу от других падежей. Основная же цель работы — определить на фоне примеров возможные функции инструктива во всех прибалтийско-финских языках и представить морфолого-синтаксические модели реализации отдельных функций, учитывая при